

тер, что его трагедия «не одну забаву приносит и не одни цветы, но пользу и плоды. Франция, Европа и Парнасс должны много Вольтеру за нововведенный вкус...» («Мнение во сновидении о французских трагедиях»).

5

В течение 1730—1750-х годов в центре внимания критики, как и литературного движения вообще, стояла проблема русского классицизма. Именно классицизм был тем стилем, мимо которого не могла пройти русская культура, двинувшаяся путями новой (европейской) государственности со времени Петра Великого. Именно классицизм был не только актуальным и еще современным общеевропейским стилем художественной культуры в первой половине XVIII века, но и эстетическим воплощением идей государственной дисциплины, подчинения личности гражданской норме, идей рационализма, этической логики, упорядоченности мира и культуры. Это было мировоззрение в искусстве, выражавшее прогрессивные тенденции петровской и послепетровской России.

Когда русские писатели-теоретики 1730—1750-х годов оказались поставленными лицом к лицу с проблемой классицизма, они оказались в положении сложном и противоречивом. Классицизм они приняли от Западной Европы уже на последнем этапе его творческого существования. Между тем русская культура еще не завершила доклассический этап литературного развития. Для нее живы были еще формы и идеи искусства позднего Возрождения. На эту почву хлынули концепции и воздействия классицизма и одновременно с ними новаторские устремления, готовившие во всей Европе сентиментализм или предромантизм.

В 1730—1740-е годы в узком кругу русской литературно-образованной интеллигенции имеют еще хождение произведения и эстетические схемы позднего Возрождения и его школьной доктрины. И Тредиаковский, и Ломоносов усвоили их на занятиях риторикой, гомилетикой и поэзией в Славяно-греко-латинской академии в Москве, от традиций киевской поэтической учености, от традиций и Стефана Яворского, и Феофана Прокоповича. Да и в Германии в пору пребывания там Ломоносова аналогичные концепции еще жили прочно. Тредиаковский настаивает на преемстве своем от силлабической русско-украинской поэзии, пропагандирует Бэкона, переводит Томаса Мора, переводит и пропагандирует Баркляя, базируется на филологических разысканиях схоластического типа. В поэтическом творчестве Ломоносова явственно ощутима высокая традиция культуры Возрождения в ее русском преломлении — с ее грандиозной мечтой о величии человека, с ее шекспировским размахом, с ее напряженной стилистикой. Наряду с Квинтилианом и Цицероном, с одной стороны, и Вольфом, Готшедом —